



МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. А. ДИНЦЕС

ДОХРИСТИАНСКИЕ ХРАМЫ РУСИ В СВЕТЕ ПАМЯТНИКОВ НАРОДНОГО ИСКУССТВА

I

«Летописи молчат о существовании храмов и жрецов у наших восточных славян,— писал С. Соловьев.— Нельзя предположить, что, если бы храмы существовали, то летописцы умолчали бы об их разрушении или превращении в церкви при рассказе о введении христианства и ниспровержении идолов»¹. Действительно по Начальной летописи местом идолослужения представляется на первый взгляд лишь холм с поставленными на нем кумирами. Выражения летописца (Лаврентьевская летопись), что, совершая жертвоприношения, идолопоклонники «скверняху землю требами своими и сквернися кровьюи земля Руска и холм тот», если не считать их риторическими, также как будто подтверждают, что требы эти совершались на голой земле под открытым небом.

Однако в «Похвале князю русскому Володимеру», составленной около 1070 г. Иаковом Мнихом (список XVI в.), рассказывается, что равноапостольный князь, приняв крещение, «раздруши храмы идольския со лженменными боги» и далее: «храмы идольския и требища всюду раскопа и посече и идолы съкруши»². Точно также, по Новгородскому летописцу, архиепископ Аким Корсунянин, пришедши в 991 г. в Новгород, «требища разруши и Перуна посече»; о капищах в Ростовской и Суздальской землях, которые уничтожал ученик Феодосия Печерского Исайя Чудотворец, упоминает Патерик Печерский: «обхождаше же и прочыя грады и весиво области Ростовстей и Суздальстей... и аще где обреташе идолы и капища, разоряше их и огню предаваше». О капищах, поставленных в Киеве, говорил «муж благ и книжен» митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати», наиболее достоверном и ярком по выразительности памятнике нашей древней письменности первой половины XI в. «И уже не капишь сограждаем, но христовы церкви зиждем». — «Капища разрушишася и церкви поставляются, идолы сокрушаются, и иконы святых являхуса».

Таким образом, по приведенным ранним известиям капища и требища являються, наряду с храмами, сооружениями, которые воздвига-

¹ С. Соловьев, История России, т. I, М., 1874, стр. 80.

² А. С. Фаминцын, Божества древних славян, СПб., 1884, стр. 37—38.

лись, а с введением христианства были разрушены, посечены, раскопаны, преданы огню.

О храме упоминает также написанная в конце XII в. исландским монахом Оддом Снорассоном и переведенная затем с латинского оригинала на исландский язык сага об Олафе Трюггвасоне, который был воспитан в Гардарике конунгом Вальдамаром, тогда еще язычником. Олаф, говорится в саге, «всегда ездил с конунгом к святилищу, но никогда не входил в него, а стоял за дверьми, когда конунг приносил жертвы богам»³. «Вероятно,— заметил Н. М. Гальковский по поводу этого текста, — что это здание было весьма примитивным и напоминало большой сарай»⁴.

Итак, мы встречаемся с тремя терминами, обозначающими языческие культовые сооружения: храм, капище и требище.

Митрополит Иларий противопоставляет сограждению капищ сооружению церквей, наряду с противоположением идолов святым иконам. Из этого можно заключить, что под капищами он разумел какие-то постройки. Точно также капища, по Печерскому Патерику, как мы видели, не являются идолами, которые упоминаются отдельно в числе объектов, уничтоженных Исией.

Но имеются иные, более расширенные толкования слова «капище». Следуя Срезневскому, Иловайский и Фаминцын считали капище русским словом, производя его от корня «коп», «копоть», что указывает на курение и дым, которые распространялись от сжигаемых жертв. Отсюда толкование ими капища как жертвенника, истукана, идола⁵. По мнению Айналова, слово «капище» служило синонимом языческого храма, но обозначало также стоявший в храме алтарь, равно как и идола⁶. Е. Голубинский и Леже, сблизившие «капь» с «кипь», что на некоторых славянских наречиях обозначает изваяние, также считали капища идолами⁷. Гальковский же и требища и капища одинаково толковал как жертвенники и вообще как места жертвоприношений⁸.

Такое многообразие понимания слова «капище» было вызвано, как показал И. Срезневский, тем, что кроме архитектурного содержания термина наши переводчики греческой церковной литературы (Временника Георгия Амартола XIII—XIV вв., Второзакония по списку XIV в. и др.) передавали словом капище и такие понятия, как жертвенник, алтарь, статуя, идол, изображение⁹. Повидимому, основное содержание слова было распространено затем на понятия, ему сопутствующие.

³ Thede Palm, *Wendische Kultstätten*, Lund, 1937, S. 147; Русский историч. сборн., т. IV, кн. 1, М., 1840, стр. 45—47; Е. Голубинский, *История русской церкви*, т. I, М., 1901, стр. 128, 255—256.

⁴ Н. М. Гальковский, *Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси*, т. I, Харьков, 1916, стр. 5.

⁵ Д. И. Иловайский, *История России*, т. I, М., 1876, стр. 299; А. С. Фаминцын, *Указ. соч.*, стр. 38. О слове «капище», которое, как и слово «кумир», относится к древнейшим формам славяно-болгарского языка, см. Н. С. Державин, *История Болгарии*, I, М.—Л., 1945, стр. 177, прим. 2.

⁶ Д. В. Айналов, *Летопись о начальной поре русского искусства*, Отч. СПб. ун-та, 1903 г., СПб., 1904, стр. 15.

⁷ Е. Голубинский, *Указ. соч.*, т. I, стр. 231. Леже, *Славянская мифология* (перевод), Воронеж, 1908, стр. 34.

⁸ Н. М. Гальковский, *Указ. соч.*, т. I, стр. 9. Совсем по-иному толковал капище Е. В. Аничков. Сближая древнерусский языческий культ с культом угрофиннов, у которых будто было в обычае скрывать своих идолов в потайных местах, в частности в пещерах, и утверждая путем весьма натянутых построений, что местность, где была основана Киево-Печерская лавра, первоначально являлась древним языческим святилищем со священной рощей и идолом на вершине холма и пещерами внизу, Аничков под всем таким комплексом и разумел капище («Язычество и древняя Русь», СПб., 1914, стр. 323—324, 351—357).

⁹ И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. I, СПб., 1893, стр. 1192—1195.

Что же первоначально значило слово «капище»? Ответ на этот вопрос следует искать в наиболее ранних и непосредственных, непосредственных памятниках нашей письменности, вроде Начальной летописи, сведения которой по мере приближения к XI в. делаются все более точными и достоверными¹⁰, и «Слова» Илариона.

Рассказ Начальной летописи о том, как Владимир, возвращаясь из Корсуня в Киев, вместе с иконами, крестами и богослужебными книгами «взя же и да медяне две капища и 4 кони медяны (т. е. римскую квадригу.— Л. Д.) иже и ныне стоят за святою Богородицею»¹¹, ясно говорит, что в этом случае речь идет не о храмах, доставить которые с берегов Черного моря было бы мудрено, и не о статуях, которые, по предположению Д. В. Айналова и его ученика К. В. Шероцкого, как и квадрига, были установлены на площади¹². Для антропоморфных статуй у летописца есть два неизменных термина: «кумир» и «идол». Кроме того непонятно, почему летописец, неоднократно выражавший осуждение идолам, не высказал такового, рассказывая о привозе Владимиром, полным решимости искоренить в своей земле язычество, статуй языческих богинь, «эллинская» сущность которых ревнителям древнего православия была хорошо ведома¹³.

Присвоение этим привезенным из Корсуня предметам местного архитектурного наименования позволяет предполагать, что под ними разумелись бронзовые кивории, под которыми совершалось таинство Евхаристии (но никак не языческие, в частности, античные жертвенники)¹⁴. Очевидно, по сходству с теми простейшими покрытиями над почитаемым объектом, существование которых у восточных славян-язычников допускал еще Фаминцын¹⁵, такие привезенные Владимиром наместные сени и были обозначены местным словом «капище»¹⁶.

Что же касается термина «требище», «иде же потребы творяху князь и людие», то под ним следует, видимо, разуметь не жертвенник, как полагали некоторые, имеющий специальное название «требник», но всю огражденную площадь, на которой совершались моления и которая включала священную рощу, идола, жертвенники и другие культовые сооружения, подобно тому, как старорусское «дворище» (например, Ярославово в Новгороде) обозначало комплекс строений, садов, огородов и пр.

Но почему, при наличии в дохристианской Руси культовых сооружений, наша Начальная летопись о них не упоминает? Обычно это объясняется намеренным умолчанием летописца, который, будучи носителем нового вероучения и стремясь укрепить его в сознании паствы, воздерживался, поелику возможно, от упоминания бесовских су-

¹⁰ А. С. Орлов, Древняя русская литература, М.—Л., 1945, стр. 81.

¹¹ ПСРЛ, I, 1846, стр. 50.

¹² Д. В. Айналов, Искусство Киевской Руси, Русская история, под ред. Довнар-Запольского, т. I, стр. 496—497; К. В. Шероцкий, Киев, Киев, 1917, стр. 98.

¹³ В окружном послании константинопольского патриарха Фотия сообщение о крещении Руси формулируется так: «Россы... в настоящее время променяли эллинское и нечестивое учение... на чистую и неподдельную веру христианскую». В Летописи по Никоновскому списку сказано: «Иде же беша Еллинская капища, тамо ныне божественныя церкви».

¹⁴ В Радзивилловской летописи имеется миниатюра (л. 62, об.), изображающая крещение св. Владимира и дающая, по мнению Айналова, наиболее чистый пример использования начальной иконографии. Владимир сидит внутри большой купели, над которой возвышается киворий. Дружина Владимира принимает крещение в такой же купели (Д. Айналов, О некоторых сериях миниатюр Радзивилловской летописи, Очерки и заметки по истории древнерусского искусства, СПб., 1908, стр. 44).

¹⁵ А. С. Фаминцын, Указ. соч., стр. 38.

¹⁶ Слово «кивор» — киворий встречается в древнерусской литературе сравнительно поздно. «Посереду (церкви) баше яко кивор вознесено зело на высоту» (Житие преп. Порфирия из Минеи по сп. XV в.) — И. Срезневский, Указ. соч., т. I, стр. 1207.

ществ, а тем паче от описаний их святилищ. Следует также иметь в виду, что, говоря даже о христианских храмах, летописец часто ограничивался лишь приведением имени святого патрона («сташа под святым Кириллом», разумея Кирилловский монастырь, «ссупишася на месте, иде же стоит св. София», т. е. храм св. Софии, и т. п.). Тем паче в отношении языческих храмов летописец мог применять тот же оборот речи и ограничиваться лишь именем кумира, вроде известного места об Игоре, который «приде на холм, где стоаше Перун».

Существует еще одно объяснение. Как указал Д. В. Айналов, в представлении нашего летописца, склонного к широким историческим обобщениям, русское язычество являлось ветвью кумиропочитания всех народов. История этого кумиропочитания была им пространно изложена (в так называемом «Исповедании веры») устами греческого философа, ознакомившего Владимира с сущностью ветхозаветной и новозаветной истории. Здесь рассказывается и о начале кумиропочитания после столпотворения Вавилонского при Серухе, и о сожжении кумирницы Фары Авраамом, который «заже идолы в храмине», и о том, как привиделось ему «подобие идола, яко подобие древодельско... и требник прямо ему и отроцы, закалаемы на нем в лице идолу» и т. д. Раз приведя подробности языческого ритуала, летописец, естественно, в других местах их опускал¹⁷. Надо, однако, учесть, что «Исповедание веры» представляет последующую вставку в начальный текст летописи¹⁸. Поэтому последнее объяснение должно быть принято с некоторой оговоркой.

Но все же, исходя из всего сказанного, в неупоминании летописью языческих храмов не следует усматривать отрицания ею их существования в дохристианской Руси.

Совершенно немислимым является отсутствие у восточных славян архитектурно оформленных местопребываний богов при наличии у них от Волыни до Прионежья сравнительно сложных дохристианских погребальных сооружений — деревянных камер, иногда точно воспроизводящих жилища живых, вплоть до двускатной крыши (у дреговичей и частью у вольнян), и снабженных необходимыми предметами обихода для загробной жизни¹⁹. Вспомним о сохранявшемся еще в прошлом веке народном обычае помещать чествуемый объект земледельческого праздника в укрытое помещение. Так, в великорусских губерниях в Семик, праздник окончания пахоты и посева, крестьяне здевали срубленную березку в женское платье и после общественного пира переносили ее в одну из изб, где она оставалась «гостейкою». В Воронежском крае на берегу озера Горохова соломенную или деревянную куклу в Троицу наряжали в праздничное платье и ставили в убранный цветами и зеленью шалаш. «Около шалаша собирались тамошние жители, принося с собой отборную пищу и питье; в хороводе пели и пля-

¹⁷ Д. В. Айналов, Летопись о начальной поре русского искусства, стр. 5—13.

¹⁸ Е. Голубинский, Указ соч., стр. 138, 786.

¹⁹ Е. Н. Мельник, Раскопки в земле лучан, Тр. XI Археологич. съезда 1899 г., т. I, М., 1901, стр. 485—486, 505—511; Археологич. исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 13—14; см. также работы М. К. Каргера в Кратких сообщениях ИИМК, № 1, стр. 10, № 5, стр. 80.

Описывая подобного рода карельские погребения XI—XIII вв. в Видлицком районе Олонецкого края, В. И. Равдоникас писал: «сооружение срубов связывает, мне кажется, их с позднейшими христианскими погребениями в Карелии. На старых и даже современных карельских кладбищах можно наблюдать, что этот обычай очень долго и упорно держался у карел. Семейные могилы на таких кладбищах устраивались в виде впущенных в землю срубов до конца XIX века. Подобные захоронения в срубах позднее переходят в обычай окружать могилы одним-двумя венцами из бревен уже только на поверхности земли» (В. И. Равдоникас, Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье, Изв. ГАИМК, вып. 94, стр. 5).

сали вокруг этого шалаша, который представлял род капища»,— говорит описание 1838 г.²⁰

II

О храмах прибалтийских славян мы имеем сведения, более точные, нежели о восточнославянских. Саксон Грамматик, автор конца XII в., свидетельства которого об Арконе, как показано будет далее, подтвердились раскопками, так описывает кореницкий храм Руевита: «Город Кореница... знаменит прекрасными зданиями трех славных храмов. Главное капище находилось посреди передней части храма, которая, так же, как и капище, не имея стен, завешана была пурпуровой тканью, так что кровля лежала на одних столбах. Когда сорваны были оба покрова, то дубовый идол Руевита безобразно раскрылся со всех сторон»²¹.

Как видно, святилище, в котором помещался идол, представляло, по свидетельству Саксона Грамматика, открытое сооружение, т. е. сень, покоящуюся на столбах, которая правильно была передана Срезневским термином «капище». При этом Саксон Грамматик счел нужным особо оговорить, что передняя часть храма (очевидно, входная), подобно капищу, не имела стен и была также завешана тканями.

Тот же автор дает описание храма, закрытого со всех сторон стенами: «Город Аркона²²,— пишет он,— расположен на вершине некоего высокого мыса. С востока, юга и севера он защищен природными, а не рукотворными укреплениями — утесами, которые поднимаются как стены;... под ними море... С запада же он замыкается высоким валом в 50 локтей, внутренность нижней части которого была земляная, верхняя же содержала дерево, подслоенное глиной... Посреди гордидца — площадка, и на ней виднелся храм из дерева, искуснейшей работы, почитаемый, впрочем, не только по великолепию культа, но и по помещенному здесь кумиру божества. Внешне здание сплошь было кругом украшено изображениями различного рода предметов (фигур), исполненных грубым и неискусным способом. Только один вход вел в него (храм). Самое же святилище ограждала двойная изгородь, из которых внешняя, состоявшая из стен, была крыта багряной кровлей, внутренняя же, из четырех столбов, отделялась от остальной части храма вместо стен ниспадающими завесами, ничем кроме кровли и редкого переплета балок со стенами не соединяясь. Внутри храма находился огромный кумир, своими размерами далеко превосходящий всякого человека и вызывавший удивление своими четырьмя головами и столькими же лицами. Одежда (кумира) доходила до берцев... Ноги видны были на уровне земли, поскольку основание для них было скрыто под полом... Когда идол был перерублен у лядвей, то упал на ближнюю стену»²³. Приказано было ее разобрать для извлечения идола из храма. Достоверность сделанного Грамматиком описания была подтверждена раскопками К. Шухгардта в августе — сентябре 1921 г. (рис. 1).

Арконский храм был сооружен из дерева на каменном фундаменте, представлявшем в плане правильный квадрат, наружная сторона которого равнялась 21,5 м, а внутренняя — 17,5 м. Обнаружены были следы глиняного наката с отпечатками деревянных частей и ветвей, а так-

²⁰ Л. А. Динцес, Русская глиняная игрушка, М.—Л., 1936, стр. 28.

²¹ И. Срезневский, Исследования о языческом богослужении древних славян, СПб., 1848, стр. 41—42.

²² Город Аркона лежал на высоком скалистом мысе острова Рюгена. Перед ориентированным на восток храмом находилась культовая площадка. Далее на запад располагались строения, ограниченные валом, имеющим ворота.

²³ Перевод с подлинника уточнен при любезной помощи М. А. Тихановой.

же обмазки. В середине храма были открыты сложенные на камне прямоугольные базы для четырех столбов, симметрично отстоящие от стен на расстоянии около 5 м. Между этими столбами, ближе к восточной их паре, был обнаружен глубокий (в 1 м 10 см) котлован, в который было врыто основное

идола, для крепости обложенное камнями. Ширина фундаментов стен доходила до 2 м, базы для столбов имели в длину 1,75 м, а в ширину — от 0,75 до 1,05 м²⁴. Перед нами остатки капища, где помещался идол, т. е. открытого четырехстолпного сооружения (что давало возможность лицезреть четырехголового бога со всех сторон), завешивавшегося тканями, и храма, посреди которого это капище и было воздвигнуто.

Как были сложены наружные стены храма: из бревен, поставленных стоймя, т. е. приемом, характерным для скандинавской и отчасти западной деревянной архитектуры, или из

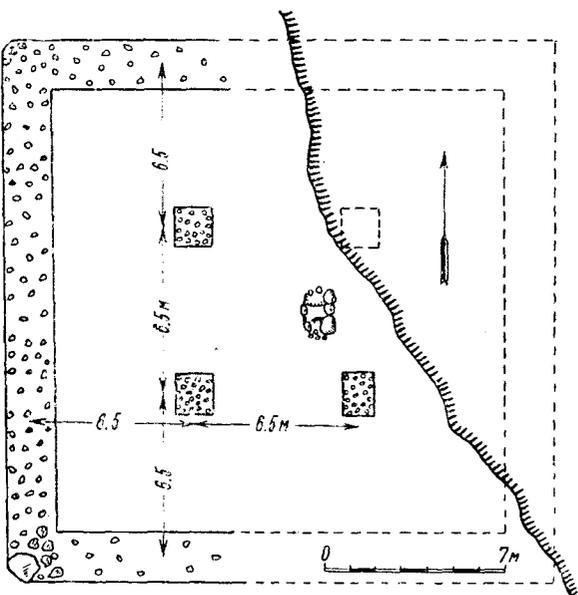


Рис. 1. План храма в Арконе (по Шухгардту)

горизонтальных бревен, как это принято на Руси?

В те времена славянам едва ли был известен способ сращивания бревен при помощи врубки «замком», и поэтому при постройке горизонтальными венцами сруб в длину и ширину не мог превышать максимальной протяженности бревна в 6—8 м. Храм в Арконе имел в длину и ширину более 20 м и не был перегороден. Последнее исключало возможность составления его из нескольких клеток. Можно, правда, предположить, что для укрепления стен, сложенных из горизонтальных бревен, в местах их стыка были устроены какие-то контрфорсы. Но ни описание Саксона Грамматика, ни раскрытые фундаменты этого не подтверждают. Поэтому представляется более вероятным, что храм в Арконе был срублен из вертикально поставленных бревен, не ограничивавших размеров сооружения. Такой способ стройки обычно применялся и применяется поныне при устройстве тына и ограды. Не этим ли объясняется обозначение Саксоном Грамматиком стен храма в Арконе как «двойной изгороди», причем внешняя состояла из стен, покрытых багряной кровлей, а внутренняя из 4 столбов с ниспадающими завесами вместо стен?

Но постройка из вертикально поставленных бревен имеет крупный дефект. В отличие от равномерного оседания горизонтальных вещей, все теснее и теснее наседающих один на другой, вертикально поставленные бревна при усыхании деформируются, расходятся, неравномерно опускаются на землю, что приводит не только к деформации входов и окон, но грозит разрушением стен. Это, видимо, и вынудило строителей храма в Арконе подстлать каменный фундамент, вовсе, однако, не столь

²⁴ Carl Schuchhardt, Arcona — Retra — Vineta, Berlin, 1926; W. Petsch, G. Martin, Wail und Tor der Tempelfeste Arcona. Praehist. Zeitschrift, XXI, 1930, SS. 237—264; J. Strzigowski, Altslawische Kunst, Augsburg, 1929, S. 33.

капитальный, рассчитанный на стены, должны выдержать чуть ли не распор куполов, как полагает Н. И. Брунов²⁵. Фундаменты храма в Арконе, как отметил производивший раскопки Шухгардт, обладали некоторой массивностью лишь в западной, особенно в юго-западной части в сторону понижения покатога от моря мыса, а в восточной представляли легкую подкладку²⁶.

Исходя из сообщенного Саксоном Грамматиком эпизода с падением подрубленного при разрушении Арконского храма в 1168 г. идола на ближнюю к нему восточную стену, в которой, он, очевидно, проломив ее, застрял, можно полагать, что высота Святовиды была не менее 9—10 м (исчисляя ее, как гипотенузу при одном из катетов в 7—7,5 м). А это обстоятельство, помимо естественной тенденции придать храму величественность, требовало значительной его высоты, во всяком случае над капищем. Это могло быть достигнуто с помощью дополнительной верхней клетки, возможно, составленной из венцов, либо облегченной конструкции (наблюденной в языческих гробницах на Вольни) из так называемых «впущенных» тесаных досок, узкие края которых как бы впускались в желобки угловых стояков²⁷. В последнем случае верхняя клеть должна была быть меньшей, нежели нижняя, т. е. башнеобразной, и покоиться на четырех срединных столбах храма. Но о башне Арконского храма Саксон Грамматик не говорит ни слова и, повидимому, верхняя клеть была в плане не квадратной, а прямоугольной, т. е. лежала своими узкими сторонами на восточной и западной стенах нижнего помещения и также была срублена из вертикально поставленных бревен или теса. Покоящиеся на каменных фундаментах массивные столбы посреди храма, кроме своей культовой функции как колонок капища, были конструктивно необходимы в качестве опоры для отмеченного Саксоном редкого переплета балок, поддерживающих верхнюю клеть.

Каким рисуется покрытие храма в Арконе?

При продолговатой верхней клетке оно должно было быть двускатным, двуступенчатым, крытым тесом (лемех вошел в употребление в связи с появлением крыш с граненой или кривой поверхностью). В этом случае своим внешним обликом храм в Арконе должен был несколько напоминать базилику. Не лишено интереса, что, как сообщает Саксон Грамматик, после того, как даны сожгли языческий храм, они на его месте из дерева, заготовленного для осадных сооружений, воздвигли настоящую христианскую базилику.

Предполагать более сложное завершение, например куполом, в духе фантастического описания Масуди, автором X в., какого-то славянского храма²⁸, конечно, не приходится. Ни о каком сложном покрытии славянских святилищ Саксон, точно подмечавший их особенности, не пишет.

Попытки сблизить деревянную конструкцию храма в Арконе с конструкцией каменных четырехстолпных купольных храмов огнепоклонников, мессопотамских церквей VI в., мечети в Хазаре (Бухара), малоазиатских храмов типа Улады X—XII вв. и т. п.²⁹ представляются столь же неубедительными, как и домыслы тех, кто, считая храм в Арконе явлением в общеславянском зодчестве единичным, видит в нем про-

²⁵ Н. И. Брунов, К вопросу об истоках русского зодчества, «Известия АН СССР», 1944, № 6.

²⁶ Carl Schuchhardt, Op. cit., S. 20. Подобные остатки легких фундаментов из известняковых плит и некрупных валунов были обнаружены в слое Старой Ладogi XIII—XIV вв. (В. И. Равдоникас, Старая Ладога, Краткие сообщения ИИМК, XI, М.—Л., 1945, стр. 38).

²⁷ Е. Н. Мельник, Указ. соч., стр. 509.

²⁸ И. Срезневский, Исследования о языческом богослужении древних славян, стр. 37—38, 49.

²⁹ Н. И. Брунов, Указ. соч., стр. 46—58.

друкт влияния то ли «галльских», то ли древнегерманских храмов, характер которых сам по себе еще мало выяснен³⁰. Дальнейшее покажет, что черты, свойственные храму в Арконе, присущи культовой архитектуре восточных славян. А это дает право считать их развившимися в славянской среде, а никак не заимствованными.

На территории древней Руси следы языческого сооружения были обнаружены на глубине 2,9—3,2 м в Киеве, в усадьбе Петровского, соседящей с Десятинной церковью, т. е. в северо-западном углу древнего города (рис. 2). Речь идет о раскопках В. В. Хвойки летом 1908 г.,

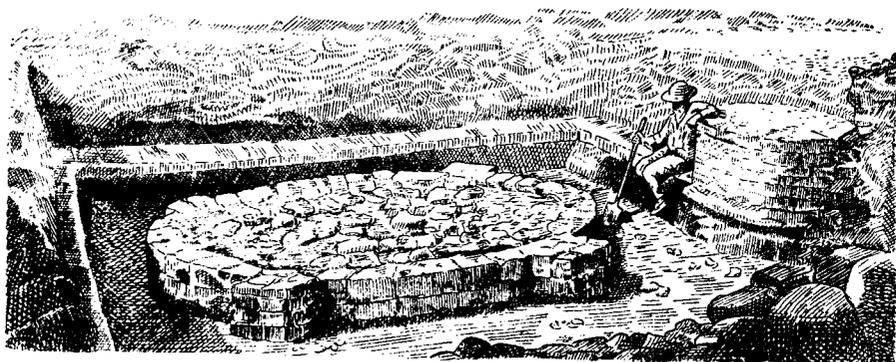


Рис. 2. Остатки культового сооружения в Киеве (по В. Хвойке)

обративших на себя внимание участников XIV Археологического съезда, которые, как свидетельствует К. В. Болсуновский, на обратном пути из Чернигова ознакомились с раскопками и единогласно признали раскрытые фундаменты остатками языческого капища, забытого и засыпанного после принятия христианства³¹. К сожалению, раскопки эти были описаны их автором весьма бегло, не охарактеризованы определяющими находками (хотя бы обломками керамики) и не документированы фотографическими снимками, а представлены настоящей приглашенной зарисовкой, что все это не позволяет судить об открытом киевском памятнике с той уверенностью, как об арконском.

Согласно сообщению В. В. Хвойки, из следов различных построек, открытых на усадьбе Петровского, «повидимому, самыми древними являются остатки каменного фундамента какого-то загадочного сооружения. Фундамент этот состоял из различных по величине камней серого песчаника, принимавших иногда причудливые очертания, а иногда имевших сквозные отверстия.

Камни были сложены на глине, образуя эллиптическую фигуру (4,2 м в длину и 3,5 в ширину), имевшую с четырех сторон по одному четырехугольному выступу (0,7—0,8 м в длину), которые были обращены по сторонам света. Вокруг сооружения находился местами хорошо уцелевший пол, вылепленный из толстого слоя беловатой глины с

³⁰ Т. Palm, Op. cit., S. 150—153; К. Шухардт, отмечая своеобразие храма в Арконе, полагал, что влияние Запада здесь полностью исключено. Происхождение культуры балтийских славян, по его мнению, коренится на Юго-Востоке. Далее, приводя мнение Стржиговского о том, что купольные храмы Армении явились прототипом для православных храмов Восточной Европы («Die Baukunst der Armenien und Europa», 1918), Шухардт предостерег, однако, от поспешных выводов в этом направлении в отношении дохристианских храмов (С. Schuchhardt, Arcona — Retra — Vireta, SS. 22—23).

³¹ К. В. Болсуновский, Жертвенник Гермеса-Святовиды, Киев, 1909, стр. 5—6.

тщательно сглаженной поверхностью. С западной стороны этого фундамента был обнаружен массивный столб, в котором слои сильно обожженной глины чередовались с прослойками золы и угля. Вокруг него находилось большое число костей и черепов животных, главным образом домашних.

Совокупность всех данных, добытых при раскопках этого фундамента, позволяет отнести время постройки бывшего здесь сооружения к языческому периоду и указывает на ритуальный характер его. Весьма вероятно, что остатки эти принадлежат славянскому языческому капищу, а столб представляет собой жертвенник, на котором в течение продолжительного времени совершались жертвоприношения, на что указывают многочисленные кости животных и слои глины, чередующиеся с прослойками золы и угля. Последнее можно объяснить тем, что временами жертвенник выравнивался и на него накладывался новый слой глины, почему в конце концов и образовался высокий массивный столб»³².

При всех сделанных нами оговорках по поводу неполноценности публикаций раскопок следует признать, что в описании открытого Хвойкой памятника не имеется ничего такого, что могло бы показаться неожиданным и сомнительным. Во всяком случае, решительно-го недоверия это пока единственное культовое сооружение дохристианского периода, обладающее вполне выраженными архитектурными формами³³, в литературе не встретило. Проверочные раскопки Молчановского 1945 г. ничего опровергающего свидетельства Хвойки не дали.

Обнаружена ровная площадка с местами сохранившимся глиняным полом³⁴. Следов стен, ограждавших площадку, не найдено. На площадке, видимо, посередине, из камней было выложено основание, округленно-овальной формы, характерной для солярной символики. На основании из камней, одни из которых, по наблюдению Хвойки, имели сквозные отверстия (не для закрепления ли вертикальных стоек?), стояла, повидимому, кумир. Четыре каменных выстула, отходящие от овала, служили, по нашему мнению, как и в Арконском святилище, фундаментами массивных столбов, которые поддерживали сень над божеством. Вполне правдоподобно также наличие в западной стороне жертвенника, поставленного перед идолом на расстоянии, допускающем разведение сильного огня.

Нидерле затруднялся решить, был ли киевский памятник настоящим храмом, либо святилищем под открытым небом с жертвенником³⁵. Более вероятным является второе. Того же мнения придерживается и Пальм, в отличие от Брунова, считающего его фундаментами каменного языческого храма³⁶. Найденные здесь обгорелые бревна позволяют предполагать то ли ограду, то ли деревянные стены. Но при масштабах капища и жертвенника храм должен был быть огромным. Открытый Хвойкой в Киеве памятник был, вероятнее всего, требищем с требником перед капищем.

Не лишено значения то обстоятельство, что это требище было рас-

³² В. В. Хвойка, Древние обитатели Среднего Приднепровья, Киев, 1913, стр. 66.

³³ М. Артамонов, Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 276.

³⁴ Глиняные накаты в древнеславянских поселениях — явление нередкое. См., например, раскопки Н. Н. Чернягина на территории псковского кремля («Сов. археология», № 4, стр. 327—328).

³⁵ L. Niederlé, Manuel de l'antiquité slave, 1—2, Paris, 1923—1926, p. 155.

³⁶ T. Palm, Op. cit., S. 143—144.

положено на территории довлaдимирова кремля (относящегося, как показали археологические исследования, к VIII—IX вв.)³⁷, на мысу, обращенном так же, как и в Арконе, на восток. Топографически оно не совпадало с холмом «вне двора теремного», на котором Владимир Святославович воздвиг святилище для общенародного почитания³⁸. Не намеренно ли новый общегосударственный пантеон богов был установлен в значительном (на юго-восток) отдалении от более древнего капища дружинно-княжеского бога (не Перуна ли, перед которым клялись Олег, Игорь и Святослав)³⁹?

Киевское третище значительно старше святилища в Арконе, от которого остались лишь незначительные следы его первоначального вида, предшествующего храму, открытому Шухгардтом (т. е. до разрушения его данами в 1136 г.). Эти следы датируются найденными только в котловане под идолом обломками среднеславянской керамики. Между тем обломки позднеславянской керамики XII в. обнаружены по всей территории городища⁴⁰. Не было ли первоначально святилище в Арконе, подобно киевскому, только капищем, разрушенным в 1136 г., которое после восстановления вошло в ансамбль новопостроенного храма? Это, конечно, только предположение.

III

Сохранились ли в нашем народном зодчестве намеченные нами формы языческих культовых сооружений? Да, сохранились, но, конечно, в модификации, продиктованной требованиями христианского ритуала. К ним в первую очередь следует отнести деревянные придорожные сейи над большим крестом, «святым» колодцем или другим объектом почитания. М. Красовский причисляет такие сооружения к часовням, не отличая их от часовен-храмиков, зачастую также придорожных, в которых совершаются не только молебны, но и служатся часы⁴¹. Поэтому, в отличие от закрытых часовен, интересующие нас сооружения в виде перекрытий над почитаемым объектом мы условно назовем «открытыми часовнями». О связи этих закрытых и открытых придорожных часовен с языческим культом говорят, например, такие факты: в землях древнего Новгорода, особенно Деревской, в честь Параскевы-Пятницы, льяницы-трепальщицы, покровительницы прядення и ткачества, заступившей языческую Мокошь, ставились часовни на распутях, часто называемых поэтому пятницами⁴²; пермяки в Ильин день приносили в часовни Илье-Громовику жареные козьи и бараньи головы с горохом и служили молебны, прося защиты скоту и

³⁷ М. К. Каргер, Раскопки древнего Киева, журн. «Наука и жизнь», 1940, № 2, стр. 38—39; см. также план места раскопок В. В. Хвойки в усадьбе Петровского (Д. И. Багалей, Русская история, т. I, стр. 504, рис. 175).

³⁸ К. В. Шероцкий, Указ. соч., стр. 97—98.

³⁹ Представляется заманчивым наметить преемственность восточно-славянского капища от культовых сооружений Старшего Каширского городища (IV в. до н. э.) в виде обмазанных глиной бревенчатых прямоугольных помостов с жертвенником посередине и лежащим на четырех столбах перекрытием (В. Городцов, Старшее Каширское городище, Изв. ГАИМК, № 85, 1934, стр. 16 и сл.). Но неясности в реконструкции этих сооружений и полуторатысячный период, отделяющий их от славянских капищ, заставляют воздержаться от этого.

⁴⁰ С. Schuchardt, Arcola — Retra — Vineta, S. 22.

⁴¹ «Часовня, часовенка — молитвенный дом, храмик без алтаря, где можно только служить часы (не литургию); отдельное маленькое строение или пристрой с иконами и лампадой. Часовни этого рода ставятся в виде памятника или на распутях, на родниках или над престолом бывшей церкви» (В. Даль, Толковый словарь, IV, М., 1935, стр. 602).

⁴² А. Ермолов, Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. I. Народный месяцеслов. СПб., 1901, стр. 42, 274—275, 502, 512.

овцам; в день Марии Голендухи в часовню также приносили жареных кур и индеек, испрашивая покровительства домашней птице⁴³.

Открытые часовни представляют помосты на подклети в три-четыре венца, связанных в углах врубками без остатка (в «лапу») с врубленными в подклеть четырехугольными в сечении столбами, поддерживающими перекрытие. Иногда помост обнесен закрепленным в нижней части столбов сквозным ограждением, обычно в косую решетку. Под такой открытой со всех сторон сенью, на врытом в землю стояке устанавливается большой крест или столб с иконой и, зачастую, подвешенной тканью, а в прошлом, возможно, — резная статуя святого.

Эти открытые часовни, развившиеся из языческих капищ, но испытавшие, повидимому, и воздействие совершенных форм каменных кивориев, вроде «святого шатра» на восьми колоннах, поставленного в 1165 г. князем Андреем вне собора⁴⁴, в народных деревянных формах сохранились в стройках XVIII в. (например, часовне в с. Данилове). Последние, подобно боголюбовскому «святому шатру», имеют площадку на «восьмерике» и, соответственно ему, восьмигранный шатер. Ф. Горностаев и И. Грабарь полагали, что восьмигранный колпак возник у нас как передача в дереве форм каменных христианских храмов⁴⁵.

На плане Тихвинского монастыря 1676 г., составитель которого правдиво передал жилые, вроде клетских изб, и церковные постройки (например, соборные храмы), наряду с восьмигранными шатровыми, мы находим и более простую, квадратную в плане открытую часовню на подклети в три венца с двускатной крышей, без потолка и с крестом, верхний конец которого упирается в охлупень (рис. 3—5)⁴⁶.

Также производными от дохристианских, еще более примитивных культовых сооружений являются так называемые «надмогильнички», сохранившиеся в Кемском и Холмогорском районах Архангельской области, Олонецком и Новгородском краях и Рязанской Мещере, где некогда проживали вятичи. Это — крепко врытые в землю, гладкие, зачастую затейливо обработанные столбы, вверху которых укреплялись кресты, иконы, киотцы или доски с вырезанными на них христианскими изображениями, текстами, именами усопших и датами. Поверх их непосредственно насаживалась двускатная тесовая крышка, пологая, либо крутая, украшенная иногда подзором (рис. 6—9)⁴⁷. По существу такие надмогильнички являются как бы открытыми часовнями в зародыше, состоящими из почитаемого объекта на столбе и кровли над ним, но без поддерживающих сень стоек на подклети.

Н. Фрейман справедливо полагал, что происхождение надмогильничков следует вести из тех древнеславянских погребений на столбах, следы которых были наблюдаемы Завитневичем при обследовании курганов Припетского Полесья (Сенского могильника, а особенно могиль-

⁴³ А. С. Фамильцин, Указ. соч., стр. 55; ср. в послании архиепископа Макария: «жертву приношаху кровную бесом, волю и овцы и всяк скот и птицы».

⁴⁴ Н. Н. Воронин, Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв., М.—Л., 1945, стр. 41, рис. 20. В этой работе автор, между прочим, пишет: «Шатровые кивории применялись и раньше в русском зодчестве в качестве надпрестольной сени внутри алтаря. Вынос подобной легкой постройки на воздух был смелым опытом в условиях сурового русского климата». По нашему мнению, установка кивория вне храма не была новшеством, так как имела местную языческую традицию сооружения капищ под открытым небом.

⁴⁵ Ф. Горностаев и И. Грабарь, Деревянное зодчество русского Севера, История русского искусства, под ред. И. Грабаря, т. I, стр. 348.

⁴⁶ М. Красовский, Курс истории русской архитектуры, ч. I, стр. 49, рис. 60—62, стр. 129—130.

⁴⁷ Там же, стр. 127; А. Бобринский, Народные русские деревянные изделия, М., 1911, стр. 17, табл. LI/1, 3—12; В. Равдоникас, Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье, стр. 5—6.

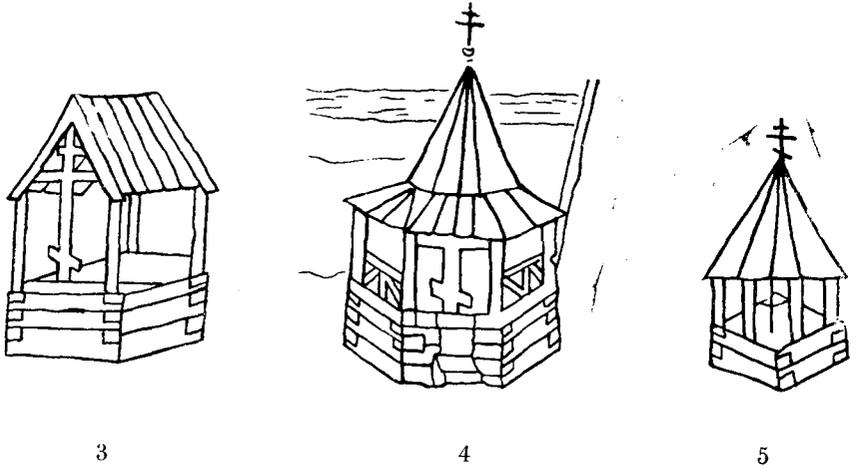


Рис. 3—5. Открытые часовни (по плану Тихвинского монастыря 1676 г.)

ника в Горках под Котловицами) ⁴⁸. Как рассказывает Лаврентьевская летопись, вятичи, радимичи и северяне, справивши над покойником тризну и предавши его сожжению, «сбравше кости, взложу в су-

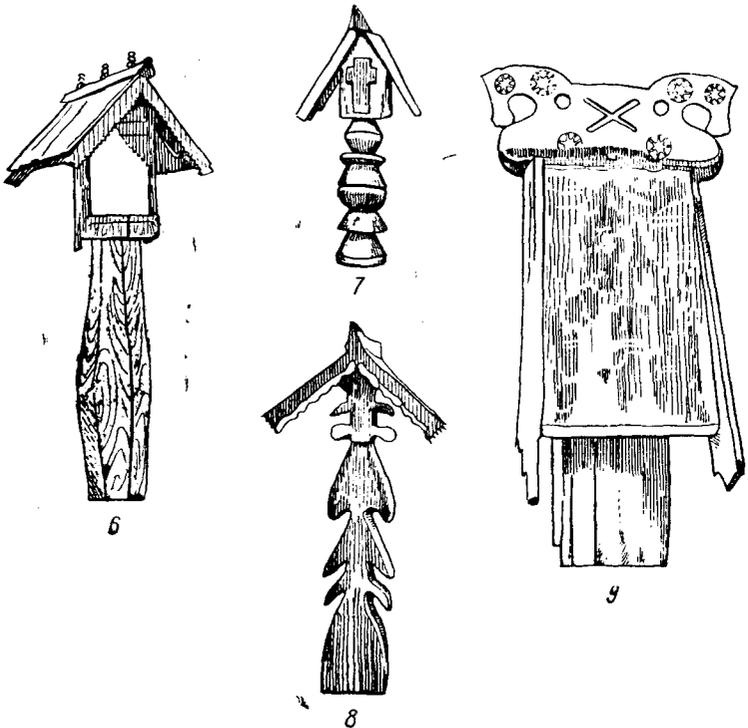


Рис. 6—9. Надмогильнички (по Бобринскому)

дину малу и поставляху на стълпе на путъех, еже творят вягичи и ныне», из чего можно заключить, что этот обычай был еще в силе в XI—XII вв. От этих наземных захоронений, помещаемых на столбах наверху, либо в грубо вырубленных нишах, развились, по мнению Фреймана, более сложные с двускатной крышкой над горшком ⁴⁹. Эти

⁴⁸ Завитневич, Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье, Чтения Истор. об-ва Нестора Летописца, кн. 6, Киев, 1892, стр. 11—22.

⁴⁹ Н. Фрейман, Придорожная часовня—пережиток погребения на столбах на путях. «Сов. этнография», 1936, № 3, стр. 86—92.

открытые сооружения, играющие роль охранительной силы для путника и для всего селения, могли, как нам думается, и не иметь погребального назначения, если на столбе устанавливался не прах предка, а его изображение, т. е., если он превращался в столбообразный идол, охарактеризованный Ибн-Фадланом как «высокая воткнутая деревяшка», у которой имеется лицо, «похожее на лицо человека...»⁵⁰. Такая фигура, как заметил еще Стасов, часто воспроизводится в нашей народной вышивке⁵¹. В христианское время место сосуда с прахом предка или его резного изображения заняли иконы, кресты и т. п. То ли на этом этапе, то ли раньше усложнилось архитектурное оформление укрытия от непогоды объекта поклонения, принявшее вид миниатюрной часовеньки-капища на столбе или нескольких столбиках⁵². Следы язычества в христианских надмогильничках проступают иногда весьма явственно. Так, приводимый нами надмогильничек из Сумского посада на Кемии снабжен по ребру крышки парными конскими головками с розетками-колесами по крутым шеям и сквозным косым крестом между ними — символами дохристианского солярного культа (рис. 9).

Простейшим типом закрытых культовых сооружений, происходящих от языческих, являются дома мертвых. В своем генезисе они также уводят в пору почитания умерших родичей, предшествующую обожествлению предков, когда, как говорит Начальная летопись, «были сотворены кумиры во имена мертвых человек, озем бывшим царям, другим, храбрым, и волхвам, и женам прелюбодейницам».

По Прологу XV в., Ольга заповедала Святославу ее «с землю давно погрестить, а могилы не сути, ни гризн творити, ни бдына деяти». Бдына — надстройка над могилой, срубец мал. Пмятники в виде часовен, как заметил Н. Котляревский, вероятно, представляют собой видоизмененные идеи бдына⁵³. Такие часовни-надгробия сохранились в Карелии и в Архангельской области, где они называются «гробницами», и на Смоленщине («домовины» в Дрогобуше). Идея этих надгробий, замечает М. Красовский, «могла зародиться еще в глубокой древности на почве языческих верований в необходимость пристанища для души покойника, в которое его родственники приносили пищу и питье». Это — небольшие прямоугольные клетки, рубленные «в лапу» или «с сстатком» и с двускатными крышами, коньки которых увенчаны луковичными глазками и крестами. В такой «гробнице» устроена дверь, иногда небольшие окна. Внутри по стенам размещались полки для икон и крестов и лавка для сидения⁵⁴. Заметим, что в малых щетинских храмах, согласно житию св. Оттона Бамбергского, помещались скамьи кругом стен, потому что «сюда сходились в известные дни пировать и рассуждать о важных делах», т. е. свершать общественные трапезы⁵⁵. О скамьях упоминает и наша обрядная святочная песня, описывающая обряд заклания козла на коляду.

⁵⁰ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», М.—Л., 1939, стр. 79.

⁵¹ К. Стасов, Собр. сочинений, СПб., т. I, стр. 210.

⁵² В. И. Равдоникас (Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье, стр. 6) считает, что «карельские кладбищенские кресты с двускатными крышами являются, по всей вероятности, лишь вырождавшимися схематизированными надмогильными домиками, вероятно, прошедшими через этап надмогильных столбов».

⁵³ Н. А. Котляревский, О погребальных обычаях язычников-славян, М., 1868, стр. 118—120; Н. М. Гальковский, Указ. соч., стр. 74—75.

⁵⁴ М. Красовский, Указ. соч., стр. 124—125.

⁵⁵ И. Срезневский, Исследование о языческом богослужении древних славян, стр. 39.

В лесах огни горят,
Огни горят великие,
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые,
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы
Поют песни коллиодушки⁵⁶.

Близким гробницам по идее и по форме являются наши северные «срубцы», которые отличаются лишь меньшими размерами. Они представляют собой как бы плотно пригнанный на могильную насыпь футляр в виде модели жилища, сколоченной из теса или срубленной из брусков, под двускатной кровлей с крестом-надмогильничком. Иногда

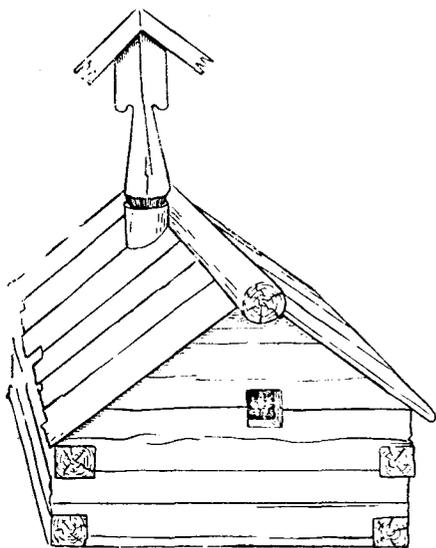


Рис. 10. Срубец (по М. Красовскому)

во фронтоны (очелье, челе) прорезалось небольшое квадратное отверстие, очевидно, для выхода души покойника (рис. 10)⁵⁷. В поздней редакции такие «срубцы» приняли форму гроба⁵⁸.

Несомненно, из таких хором предков-мертвецов и развились языческие храмы божествам, которые, подобно капищам, отраженно представлены в деревянном церковном зодчестве. Облик наиболее архаичных деревянных церквей нам известен по зарисовкам Мейерберга XVII в. Простейшая из них, не отличающаяся от описанных нами гробниц или срубцев, была зарисована им в с. Спасском, близ Шоши, недалеко от Клина⁵⁹ (рис. 11). Усложненный тип клетских церквей представлен храмом Печорского монастыря на Псковщине. Это —

высокая клеть с верхней более узкой, сливающейся своими короткими сторонами с восточной и западной стенами нижней клетки (рис. 12). И, наконец, еще более сложный тип таких построек дает трехъярусная клетская церковь княжого села Крестцов, Новгородского края (рис. 13). От всех этих зарисованных Мейербергом построек следует, конечно, отбросить прирубленные к основной две меньшие и более низкие клетки —

⁵⁶ А. Фаминцын, Указ. соч., стр. 39.

⁵⁷ М. Красовский, Указ. соч., стр. 127; см. также А. А. Попов, Затундренские крестьяне (Русские на р. Пясине — Таймыре), «Сов. этнография», 1934, стр. 78, рис. 2.

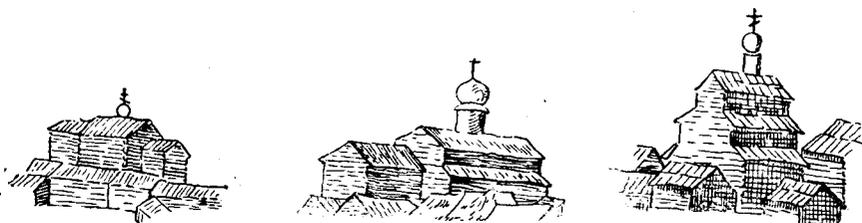
В. И. Равдоникас считает, что «Незначительная высота видлицких курганов и близость срубов с захоронениями к поверхности курганов заставляют предполагать возможность надмогильных деревянных сооружений на этих курганах в виде домиков» («Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье», стр. 5).

⁵⁸ О языческих могилах, «снабженных деревянными гробницами, которые иногда сопровождалась такими же надстройками»-срубцами, упоминает, правда, весьма неясно Мельник, повидимому, приметившая следы наземных обиталищ мертвых во время своих раскопок в земле лучан («Раскопки в земле лучан», стр. 485).

⁵⁹ Близкая этому типу церковь, только с куполом и барабаном-шеей на четырехугольном постаменте, существовала до 1904 г. Это — написанная Левитаном в известной картине «Над вечным локоем» церковка 1748 г. на Плесе на Волге (Ф. Горностаев, И. Грабарь, Деревянное зодчество русского Севера, стр. 341, 352). Подобная же церковушка (Дмитрия Солунского) существовала и в Старой Ладоге возле церкви св. Георгия; она была разобрана и возобновлена, видимо, в прежнем виде в 1901 г. архитектором Н. Ф. Романченко.

алтарь и притвор, которые были вызваны требованиями христианского богослужения⁶⁰.

Покрытие этих клетских церквей двускатное обычное, либо двух- или трехступенчатое в разрезе, с обязательными для церкви маковицей или яблоком с крестом на коньке, т. е. в основном такое, которое, по нашему предположению, должен был иметь храм в Арконе. Рубка такого сооружения горизонтальными венцами сильно ограничивала его размеры, которые должны были быть вдвое меньше, нежели в Арконе.



11

12

1 3

Рис. 11—13. Церковь в с. Спасском; церковь Печорского монастыря; церковь в Крестцах (по Мейербергу)

Но последнее вовсе не подкрепляет высказываний некоторых исследователей (в том числе М. Любавского) о более развитой ступени культуры (в частности языческого ритуала) прибалтийских славян по сравнению с восточными славянами, в силу торгового и военного общения первых с Западом⁶¹. Просуществовавший немногим более тридцати лет знаменитый храм Святовида, которому король данов Свенон принес даже в дар драгоценную чашу, никак не может быть сопоставляем с рядовыми храмами восточных славян. Такие сооружения обладали минимальной вместительностью подобно до сих пор сохранившимся деревенским закрытым часовням и церковушкам в глухих углах Вологодской, Олонецкой и Пермской земель, являющимися лишь местами богослужения, не вмещающими, особенно в большие праздники, всех богомольцев, которые располагаются на церковном дворе⁶².

Кроме того, языческий храм в Арконе был сооружен в XII в., когда на принявшей христианство Киевской Руси уже были воздвигнуты каменные церкви, не уступавшие по великолепию византийским, такие, как Десятинная, Киевская София, Черниговский Спас, Новгородская София и Киевская Лаврская, а также несомненно самобытные русские деревянные церкви, вроде поставленной Иоакимом в 989 г. в Новгороде Софиевской церкви из дуба о 13 верхах.

Легкость и быстрота, с которыми русские плотники тотчас же после принятия христианства стали рубить деревянные церкви, объясняются давними навыками местного языческого храмостроительства, начавшего приспособляться к требованиям христианства еще до Владимира. Напомню о срубленных и сгоревших божницах св. Николы и св. Арины, упоминаемых Летописью под 882 г., о церкви Ильи времени Игоря в Киеве и церкви Преображения в Новгороде⁶³.

Исходя из сказанного, можно считать более чем вероятным существование в языческой Руси культовых сооружений в виде: 1) столбообразных под крышкой, 2) открытых капищ и 3) закрытых храмов,

⁶⁰ Собрание рисунков к путешествию Мейерберга, СПб., 1827, табл. 29/1, 8/2, 18/2; Аделунг, Альбом Мейерберга, СПб., 1903, стр. 9—12, 28, 36, 37; М. Красовский, Указ. соч., стр. 178—179.

⁶¹ А. Фаминцын, Указ. соч., стр. 51—52; М. Любавский, История западных славян, М., 1918, стр. 51—52.

⁶² И. Срезневский, Исследования о языческом богослужении древних славян, стр. 55.

⁶³ Ф. Горностаев, И. Грабарь, Деревянное зодчество русского Севера, стр. 331—332.

имевших в своей основе клеть с двускатной, ступенчатой кровлей, иногда башнеподобной. Развитие последних форм шло, видимо, в сторону наращивания ярусов либо прирубки к основной клетке дополнительных, что издавна имело место в церковном народном зодчестве России и Украины⁶⁴.

Эти народные формы встречали, кстати, весьма неприязненное отношение со стороны церковных властей. Так, при патриархе Никоне духовенство стало запрещать сооружение церквей шатрового типа, находя, что подобные формы не соответствуют церковному чину и допустимы лишь в качестве венчающей части колокольни, но никоим образом самого храма. Запрещение встретило глухое противодействие народных масс, которые отстояли в отдаленных местностях изначальные формы своих культовых построек.

IV.

Если даже в церковном зодчестве народ сохранил многое от капищ и языческих храмов, то в своей вышивке, почти не подвергавшейся опеке церковных властей, он должен был передать их облик, правда, в еще более завуалированном виде, в силу особого уклона вышивальщиц к стороне декоративной схематизации мотивов, используемых по традиции, но ставших совершенно непонятными по своему значению.

На присутствие в наших северных вышивках изображений языческих святилищ вслед за Стасовым обратил внимание В. А. Городцов. Приведенную вышивку из собрания Гос. Исторического музея (рис. 14) он понимал так: «Богиня представляет храм, внутри которого стоит ее статуя — кумир, а справа и слева находятся всадники, высоко поднимающие длани кверху, выражая жесты адорации; за всадниками стоит по одному дереву».

Едва ли можно согласиться, что храм передает облик богини. Это, — поставленное в священной роще капище, которое вмещает только столпообразный идол с «лицом, похожим на лицо человека», так что адорирующие всадники располагаются вне капища. Прямоугольное в вертикальном сечении обиталище божества естественно совпало со столпообразным его изображением, находящимся внутри. Капище имеет двускатную крышку, которая по коньку увенчана ромбом с излучением в верхней части, повидимому, — знаком солнца.

То, что представляемая в вышивке, изготовленной в прошлом веке, культовая сцена иконографически действительно восходит к древнеславянской поре, подтверждается археологическим подлинником с изображением, близким рассмотренному нами (рис. 15). Речь идет о бронзовом «игольнике», обнаруженном в одном из славянских, видимо, крестьянских курганов, раскопанных Ф. Д. Нефедовым в 1895—1896 гг. в Костромском Поволжье. Это небольшая (до 9 см) трубочка с полуовальной дужкой, имеющая вид постройки с двускатной крышкой

⁶⁴ В кратком очерке «История русского искусства» Г. Г. Павлуцкий заметил: «Самый древний и простой тип деревянной церкви — это церковь с двускатной кровлей; церквей этого типа сохранилось на Севере не мало. Они состоят из нескольких четырехугольных срубов: паперги, трапезной с простым плоским потолком, места для молящихся и алтаря многогранной формы... У многих двускатных церквей ребро крыши поднято очень высоко; некоторые полагают, что в этом сказывается скандинавское влияние, но, может быть, эта форма объясняется северным климатом. Много церквей по своим формам относятся еще к языческим временам и имеют вид насаженного один на другой шалаша в подражание (?) еловым деревьям. Начало этих построек относится к отдаленному языческому периоду Севера, ко времени борьбы христианских просветителей с кудесниками. Выработался этот тип из зырянских первобытных кумирен, которые с появлением св. Стефана были переделаны в церкви» (Прибавление к «Истории искусств» К. Байэ, Киев, 1910, стр. 371—372). Господствующее мнение об отсутствии у восточных славян языческих храмов заставило исследователя, верно угадавшего древнюю форму славянского языческого храма, производить ее от зырян.

и балясиноподобным ушком по коньку; по сторонам домика симметрично поставлены две фигурки коней. П. Н. Третьяков отнес эту находку, датируемую им по комплексу инвентаря погребений второй половиной XII — началом XIII в., не к русским, а к, видимо, финским элементам,

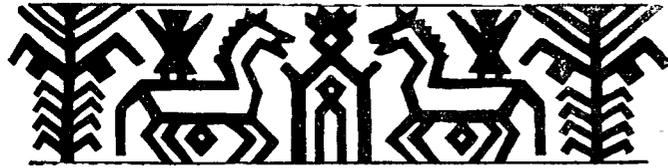


Рис. 14. Севернорусская вышивка (по Городцову).
Гос. Истор. музей

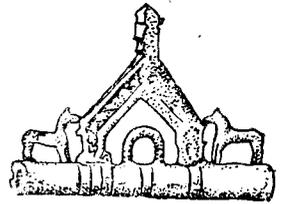


Рис. 15. Игольник из ко-
стромского кургана (по
Анучину)

полагая, что вообще «металлические украшения не были исконными у русских и появились у них лишь в феодальную эпоху, видимо, в связи с развитием ремесла, причем формы украшений были получены от северо-восточных, восточных, а также южных соседей...»⁶⁵. Но следование русскими ремесленниками некоторым типам и формам изделий соседей надо принять с обязательной оговоркой о своей, характерно славянской переработке их без механического копирования заимствованного. И наш игольник является именно русским вариантом изделия, подказанного финскими образцами.

Входя, как указал Д. Анучин, в категорию религиозно-символических привесок, такие финские «игольники» обычно украшены весьма сложными по форме лопастями-навершиями, представляющими собой прорезную бляху, в сплетении которой с большей или меньшей четкостью узнаются срединный антропоморфный и боковые зооморфные мотивы. Подобные привески свойственны курганам Ленинградской области, где был найден экземпляр, в трубочке которого сохранилась игла. Это и позволило Бранденбургу определить такого рода привески как игольники⁶⁶.

Но интересующий нас костромский игольник второй половины XII в., обнаруженный не в финском, а в русском погребении, кардинальным образом отличается по характеру изображения от тератологических изображений на игольниках финского типа. Именно в отличие от зачастую ирреальных форм древнефинского искусства искусство восточных славян тяготеет к реалистическим формам, близким наблюдаемым в действительности. И в игольнике с изображением культового сооружения с предстоящими конями, очень близким изображениям на русских пережиточных вышивках, следует, конечно, видеть исторический подлинник, подтверждающий иконографическую древность изучаемых нами сцен, воспроизведенных мастерицами прошлого века.

На другой вышивке из Исторического музея (рис. 16) капище также

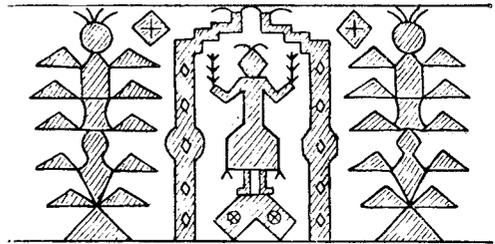


Рис. 16. Севернорусская вышивка (по Го-
родцову). Гос. Истор. музей

⁶⁵ П. Н. Третьяков, Костромские курганы, Изв. ГАИМК, т. X, вып. 6—7, 1931, стр. 14, 17, 18, 21, 22.

⁶⁶ См. Д. Анучин, О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. Материалы по археологии восточных губерний, т. III, М., 1899, стр. 244, 249—250.

крыто двускатной кровлей, дробноступенчатой и незавершенной, повидимому, из-за обреза вышивки, но намечающей верхнюю клеть. Внутри находится не столпообразный, как на первом образце, кумир, а фигура женского божества с растениями в поднятых руках, стоящая на возвышении. Справа и слева от капища, как описывает Городцов, «видны два свастических символа, может быть, солнца и луны и два дерева»⁶⁷. По нашему мнению, в последних следует видеть слитые по вертикали крылатые существа — верхнее столпообразное, с дисковидной вверху излучающей главой, и нижнее — с ромбической главой и расширяющейся нижней частью.

Но как бы ни толковать эти частности, капища на обеих вышивках переданы весьма отчетливо.

Интересное изображение капища дает хранящаяся в Гос. Русском музее калужская строчевая вышивка на концах полотенца (рис. 17). Выполнена она в более поздней манере, нежели предыдущие (обшивка контуров цветными нитями), и входит в категорию местной

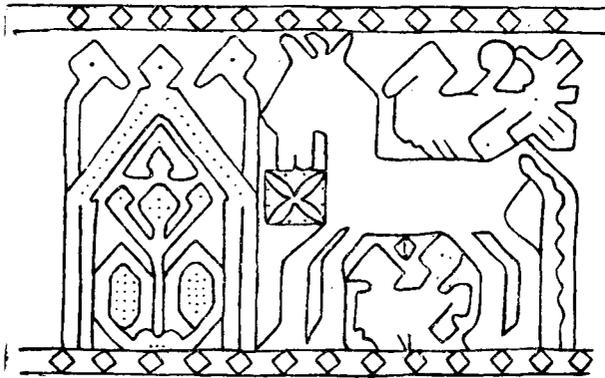


Рис. 17. Калужская вышивка. Гос. Русский музей

среднерусской школы народного шитья. На ней под открытой сенью изображена фигура, являющаяся результатом слияния образа женского божества и священного дерева. По сторонам капища стоят кони и птицы. Кроме отмеченной нами еще на первой вышивке ромбической фигуры, венчающей двускатную крышу капища, на калужской вышивке представлена еще одна деталь — по краям крыши укреплены высокие шестиугольные фигуры, обращенными к ромбической фигуре птичьими головами⁶⁸.

Однако, может быть, в линейно-графической передаче рассмотренных сооружений следует видеть не открытые сени на столбах, а так называемые «прозрачные домики». Под этим термином обычно разумеют известный в детском рисунке и в искусстве древнего мира и средневековья, вплоть до Джотто (например, в «Явлении ангела Анне» в падуанской *Capella del'Agna*), прием удаления передней стены здания при сохранении крыши и боковых деталей фасада, что открывает находящуюся внутри⁶⁹. Но ограниченная площадь изображенного святилища, вмещающего лишь кумир, который при глухих стенах никому не был бы виден, дает право относить его к открытым сооружениям-капищам, поставленным в святилищах Арконы и Кореницы, а возможно, и в Киере.

Другое дело, изображенные в вышивках обширные святилища,

⁶⁷ В. А. Городцов, Дако-сарматские элементы в русском религиозном творчестве, Труды Гос. Историч. музея, вып. 1, М., 1926, стр. 6—35.

⁶⁸ По облику птичьих голов на калужской вышивке схожи с головой, изображенной на ажурной привеске из Терпилиц (А. Спицын, Курганы СПб. губ., МАР, № 20, стр. 20, табл. VII—19).

⁶⁹ К. Риччи, Дети-художники, М., 1911, стр. 28; К. Соломин, Джотто, Изд. «Грядущий день», стр. 81.

которые вмещают кроме кумира фигуры адорирующих. Здесь, конечно, вышивальщицами был применен прием «прозрачного домика». В такой передаче предстают перед нами в народных вышивках изображения раскрытых (на манер украинских «вертепов») церквей, например, трехсрубной в два этажа с находящимися в ней женскими фигурами на каргопольском полотенце⁷⁰, или церкви с точно воспроизведенным иконостасом на строченом заонежском подзоре⁷¹. Эти вышивки отличаются от более древних по изводу не только христианизированным, а иногда и жанрово-бытовым сюжетом, но и характером рисунка, зачастую многоцветного и отступающего от строго геометрических форм. Типологически наиболее древние вышивки, изображающие языческие храмы, всегда строго геометричны и монохромны.

К таковым и принадлежит опубликованное также Городцовым шитое изображение храма (рис. 18), «наполненного знаками всех светил небесных», с помещенной в нем, согласно его интерпретации, «могущественной фигурой богини с двумя предстоящими всадниками». Останавливает на себе внимание тип божества, которое отличается от общераспространенного женского. Это столпообразный идол с руками, головой и ступнями. Невольно вспоминается описание Саксоном Грамматиком величественного идола Святовида, подрубленного ниже колен, а также находки на Украине нижних частей каменных истуканов, от которых уцелели пьедесталы и ступни (например, в Верхней Липице)⁷². Точно также кони со всадниками, помещенные внутри храма, либо по сторонам капища (в первой, приведенной нами вышивке), вызывают в памяти рассказы Дитмара, Саксона Грамматика и составителей житий Оттона Бамберского об участии в церемониях священных коней, содержащихся при храме под присмотром жрецов, пережитки чего, возможно, сохранились в святочных гаданиях у ярославских и костромских крестьян⁷³.

Изображенный на вышивке храм со «Святовидом» и священными конями представляет прямоугольную в разрезе постройку с двускатной крышей, которой достигает кумир, значительно превышающий коней со всадниками (вспомним высоту идола в Арконе). Верх крыши тут, так же, как на второй вышивке с изображением капища, срезан, очевидно, в виду выхода его за пределы площади, отведенной под вышивку.

Что же касается внешнего вида древних культовых построек закрытого типа, то один простейший тип, как указала Tuuni Vahter, представлен на расшитом двусторонним швом северном полотенце (рис. 19), которое исследовательница считает водьским⁷⁴. Но по всем призна-

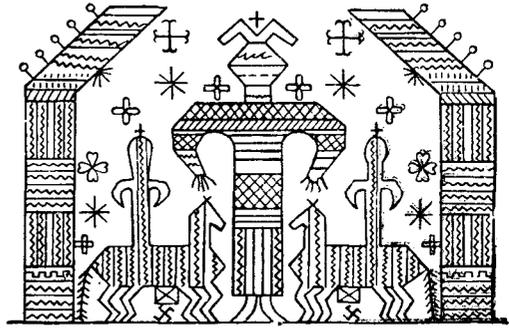


Рис. 18. Севернорусская вышивка (по Городцову). Гос. Истор. музей

⁷⁰ В. Стасов, Русский народный орнамент, СПб., 1872, № 214.

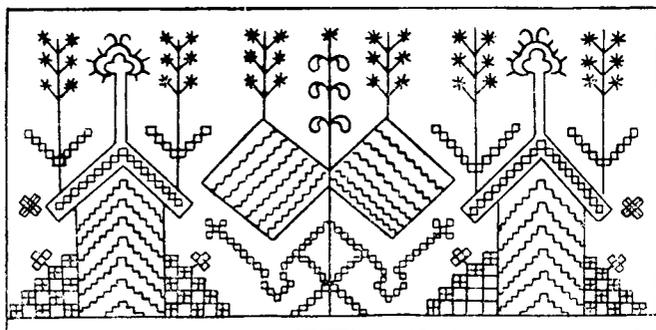
⁷¹ Коллекция Научно-исслед. института культуры Карело-Финской ССР, Петрозаводск.

⁷² М. Макаренко, Скульптура и резьба Киевской Руси перед монгольскими часами; Київські Збірники, I, Київ, 1930, ст. 49.

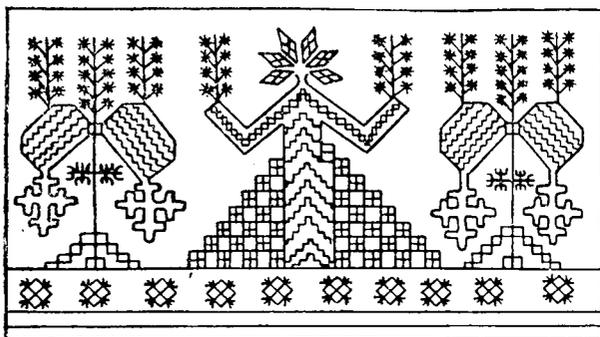
⁷³ И. Срезневский, Исследования о языческом богослужении древних славян, стр. 82—83.

⁷⁴ Tuuni Vahter, Les figures humaines dans la broderie de Carelie et d'Ingrie. «Eurasia Septentrionalis antiqua», XII, 1938, p. 212, fig. 21.

кам это полотно относится к русским образцам, издавна укоренившимся в художественном обиходе финского населения земель Великого Новгорода (веси, карелы, води, ижоры) и входящим в категорию изображений, в которых начальные, вполне конкретные образы сильно орнаментализированы.



19



20

Рис. 19—20. Севернорусские вышивки (по Vahter'у). Хельсинки

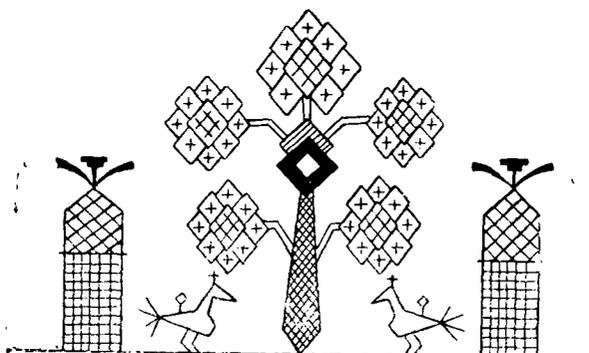
тализируются и зачастую представляют результат слияния элементов происходящих от различных фигур. Перемежающиеся в одной узкой полосе с усложненными изображениями деревьев «храмы» представлены как односрубные, башенного типа постройки с двускатной крышей, увенчанной по коньку крестообразной фигурой в круге с излучением, а по краям — вертикально поставленными ветвями; в основании от башен отходят треугольные откосы. Вполне допустимо видеть в этих откосах нижнюю расширяющуюся половину фигуры женского божества, широко распространенную в нашей северной вышивке, равно как в ветвях по краям крыши — ветви, перенесенные из поднятых рук богини, представленной в таком виде на одной из вышивок вепсов (рис. 20)⁷⁵, т. е. трактовать все изображение как своеобразное слияние архитектурного мотива и женской фигуры.

Но среди сохранившихся на нашем Севере гробниц, о которых речь шла выше, имеются такие, «стены которых, параллельные коньку крыши, делались иногда внизу с откосами, как например у одной гробницы на погосте села Тихвин-Бора, Олонецкого края»⁷⁶. Фасад такого типа гробницы соответствует фасаду постройки, изображенной на водьской вышивке. А если это так, то последнюю следует понимать как недалекий ушедшее от исторической действительности, хотя и сильно схематизированное, изображение расположенных в священной роще башенных о-

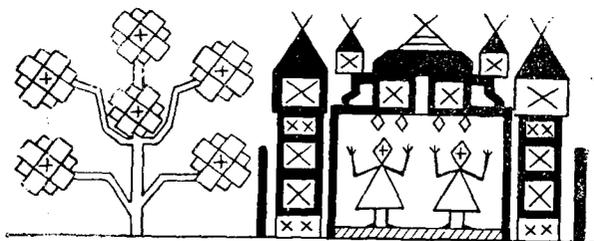
⁷⁵ Ibidem, fig. 18.

⁷⁶ М. Красовский, Указ. соч., стр. 124, рис. 148.

носрубных храмов с двускатной крышей, увенчанных солярным знаком в виде креста в излучающем круге. Подобные же башенные сооружения (только без откосов) представлены на многих севернорусских вышивках (рис. 21), в том числе на опубликованной Городцовым, где эти башни



21



22

Рис. 21–22. Севернорусские вышивки (по Городцову).
Гос. Истор. музей

фланкируют более сложный по конструкции многоярусный храм, внутри которого помещены две адорирующие фигурки (рис. 22)⁷⁷. Этот многоярусный храм приближается к тому типу многоярусных деревянных церквей, который представлен в зарисовках Мейерберга.

В этом отношении значительный интерес представляет опубликованная Стасовым владимирская вышивка, изображающая церковь и стоящие по сторонам древоподобные фигуры (рис. 23). Вышивка эта является переходной от языческого извода к христианизированному, чему соответствует и техника исполнения ее не древнейшим двусторонним «доскольным» швом, а шитьем крестом.

Начнем с фигуры, напоминающей дерево. «Ствол его, — описывает Стасов, — обнесен чем-то вроде башенки, покрытой украшениями в несколько рядов; ветви дерева украшены цветочками»⁷⁸. В действительности же ствол является столбом, в вершине которого укреплен прямоугольник с четко вырисованным на нем фоновым равноконечным крестом и двускатной крышкой; столб этот, совершенно аналогичен нашим северным надмогильникам. Верх крышки увенчан расходящимися изогнутыми полосками, утолщенными в разнообращенных концах. Только симметрично отходящие от столбов ветви относятся к признакам дерева. Таким образом вся фигура представляется как слияние священного древа со столбообразным культовым сооружением, повидимому, принявшим вид христианского надмогильничка.

Симбиоз языческого с христианским особенно выступает в изображении церкви. В отношении манеры исполнения эта вышивка входит в категорию так называемых «домиков с двух фасадах», характерных

⁷⁷ В. А. Городцов, Указ. соч., стр. 16.

⁷⁸ В. Стасов, Русский народный орнамент, стр. 12, табл. 40, № 129.

для начала перехода от фронтальной передачи предмета к трехмерной в детском рисунке и искусстве древнего мира вплоть до начала античного. В таких двухфасадных домиках две его стены, в действительно

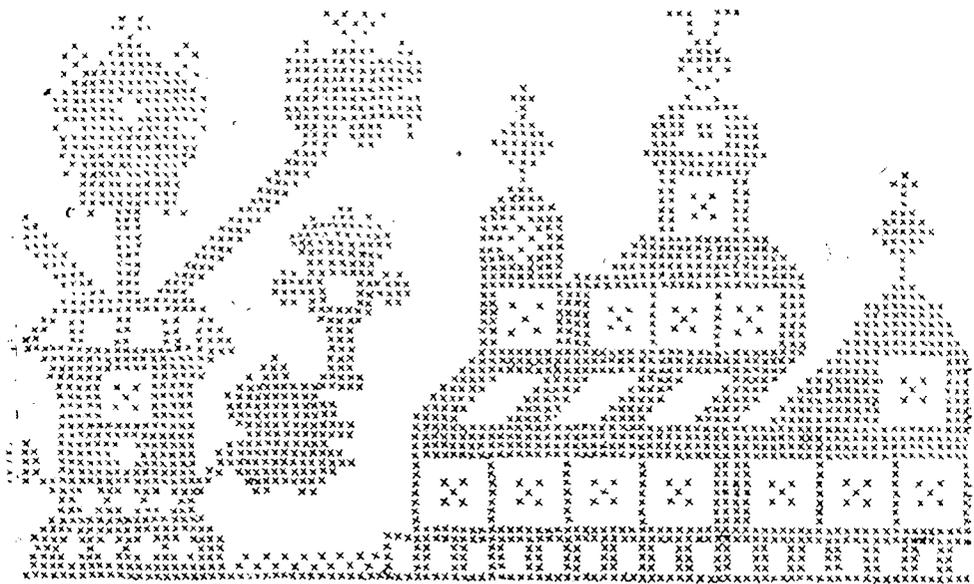


Рис. 23. Владимирская вышивка (по Стасову)

сти стоящие под прямым углом друг и другу, наносятся рядом в одной плоскости, объединяясь единой кровлей, получившейся из ромбического ската и треугольного фронтона-очелья. В такой передаче на владимир-

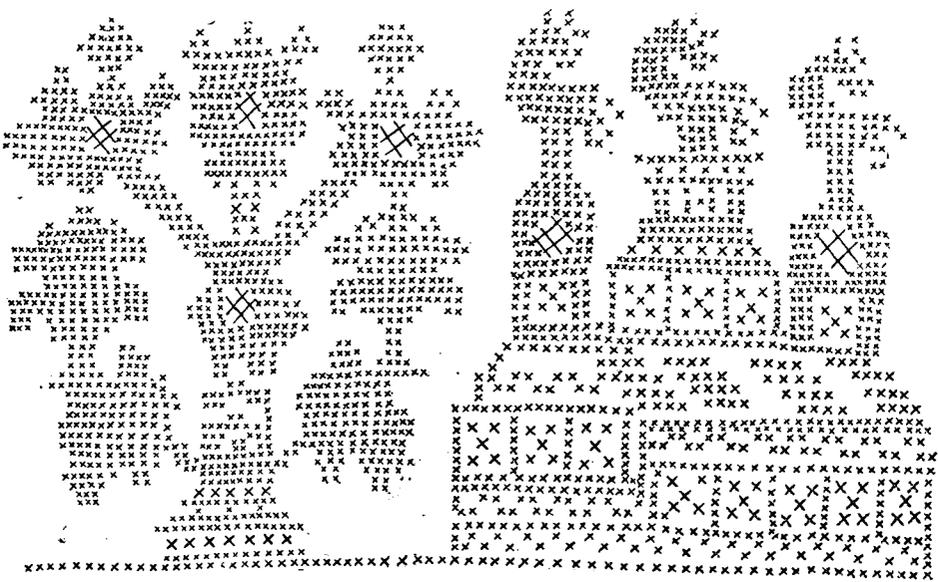


Рис. 24. Новгородская вышивка. Гос. Русский музей

ском полотенце изображена знакомая уже нам по рисункам Мейерберга клетская церковь с верхней, более узкой клетью, в свою очередь увенчанной небольшой башенкой в одном конце и более высокой и обширной (барabanом) с куполом ближе к середине.

Своеобразны навершия. Щипец очелья и малая башенка увенчаны

крупными ромбами с небольшими крестами, а средняя часть — ромбом-кругом с парными конскими разнообращенными головками, т. е. таким же знаком, которым в более скорописной манере завершена на той же вышивке крышка столба-древа.

Итак, известная нам по подлинным памятникам дохристианской Руси и по пережиточным народным образцам резьбы, литья, вышивки и ткани фигура так называемой конской ладьи, наряду с ромбом, приво-

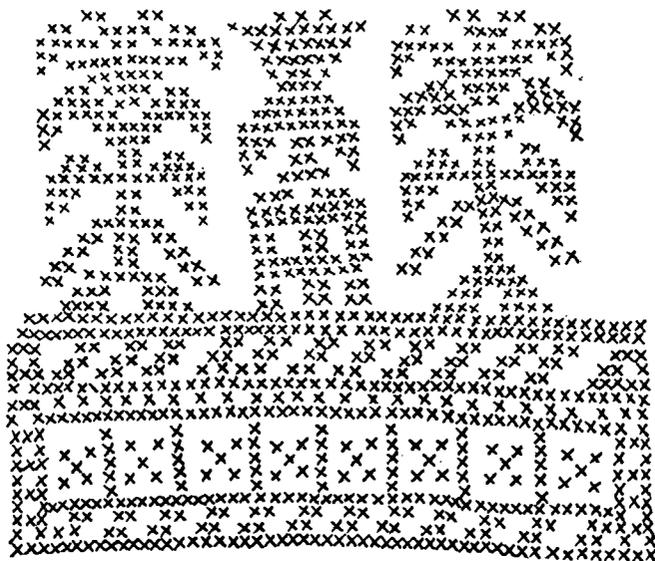


Рис 25. Новгородская вышивка. Гос. Русский музей

дится в вышивке так же, как на надмогильничке Сумского погоста, в качестве символа, венчающего культовое сооружение. На владимирской вышивке эти языческие знаки совмещаются с христианскими. Но на новгородской вышивке, находящейся в собрании Гос. Русского музея и близкой по сюжету к владимирской, эти языческие знаки предстают не совмещенными с христианскими (рис. 24). Три башенки третьего яруса увенчаны четко различимыми фигурами коней с загнутыми головами.

Нельзя оставить без внимания целую серию вышивок крестом, более всего свойственных Новгородскому краю, изображающих клетскую постройку, на двускатной кровле которой установлены деревья и идолы, равные, а иногда даже превосходящие по высоте самую постройку, приобретающую вид пьедестала (рис. 25). Установленные на крыше храма священные деревья возникают из массивного треугольного основания; точно также нижней половине схематичных изображений богинь или богов придается сугубо устойчивый вид.

Трудно сказать, действительно ли на крышах наших дохристианских храмов устанавливались объекты почитания столь крупных размеров, что водружение их требовало каких-то особых архитектурных конструкций, либо (что вероятнее) изображения, подобные приведенному, явились результатом изменения в вышивке архитектурного мотива, наворачивая которого гипертрофировались, приняв облик обычного ряда объектов почитания — священных деревьев и антропоморфных божеств. Во всяком случае, эта серия вышивок также подтверждает наличие в нашей дохристианской храмовой архитектуре венчающих священных изображений или символов.

В свете всего сказанного становится понятной прежде загадочная архаического типа вышивка на полотенце из Вышневолоцкого района Калининской области⁷⁹ (рис. 26). Стасов понимал изображенное на ней как «здание, вроде буддийского храма с широким куполом и главкой. По краям кровли, покрывающей все здание, две огромные приделки, в виде фонарей. На верху их, а также на верху и средней главки находятся орнаменты вроде перьев. По сторонам храма стоит по женской фигуре». Эта вышневолоцкая вышивка, свободная от христиан-

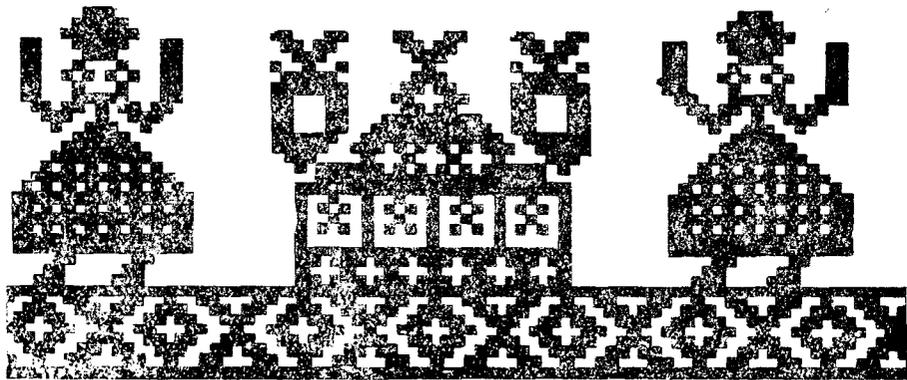


Рис. 26. Вышневолоцкая вышивка (по Стасову)

ских наслоений, передает, правда, в сильно схематизированном, но чистом виде, рядом с изображениями женского божества языческий храм клетского типа с двумя верхними срубцами и венчающей ладьей. Что же касается «приделок в виде фонарей», то они, возможно, представляют фланкирующие башни, также увенчанные ладьями, знакомые нам по севернорусской вышивке с храмом, в котором видны две адорирующие фигурки (рис. 22).

Итак, на вышивках изображаются башни, поставленные изолированно, и башни, объединенные с клетской храмовой постройкой. Для последней категории значительный интерес представляют наблюдаемые мной летом 1946 г. в Закарпатье церкви особого типа. Закарпатская Русь знает три типа деревянных церквей. Первые два при местных особенностях и разнообразии архитектурных деталей входят в общую группу украинского деревянного церковного зодчества. Это — пятибашенные церкви, имеющие в плане равноконечный крест и более всего встречающиеся в Закарпатской Гуцульщине, и трехбашенные церкви, вытянутые с запада на восток, характерные для закарпатских бойков-лышаков. Общность этих церквей горного населения Закарпатья, сравнительно недавно (два-три века назад) переселившегося сюда из Галиции, с предкарпатскими вполне естественна.

Иной тип деревянных церквей свойственен области Мармароша с ее, повидимому, древнейшим «русским» населением и особенно северо-западной части Закарпатья с населением северномалорусской (северноукраинской) ветви, также издавна здесь проживавшим. Это — небольшие храмики в виде четырехугольной постройки с двускатной крышей, которая из-за опасения и пониженного бабника или открытого на столбах входа приобрела двуступенчатый вид. На ребре крыши помещаются башенки-маковицы, а над бабником поднимается монументальная квадратная в сечении башня, увенчанная шатром или барочной

⁷⁹ В. Стасов, Русский народный орнамент, стр. 12, табл. 38, № 127.

либо готическо-крепостной крышкой (рис. 27). В силу последнего эти церкви часто называются готическими⁸⁰.

Интересная церковь сохранилась в Бардиеве (Пряшевская Русь), где башенная западная часть и клеть-корабль органически не слились, а как бы примыкают друг к другу.



Рис. 27. Деревянная церковь в Черноголове (Закарпатье)

Если отбросить наслоения готики и барокко, то соответствие этих деревянных храмов Закарпатской Руси формам, которые были нами рассмотрены, бросается в глаза.

Остается выяснить назначение изображенного на владимирской вышивке сооружения в основании дерева-столба, которое, в оправдание Стасова, действительно несколько напоминает фигуру расширяющейся вверх и вниз туры. Сравнение этого сооружения с подобными же изображениями на севернорусских вышивках не вызывает никаких сомнений в его назначении. Особенно характерно оно на плате (рис. 28), где роль этого сооружения как жертвенника-гребника выступает наиболее выразительно из-за возложенной головы быка или козла, заклятие которого представлено в упомянутой нами обрядовой песне. На владимирской вышивке изображено священное древо-столб с трепником у его подножия. Вспомним описание Гельмольдом (XII в.) Староградского трепища: «Здесь мы увидели священную

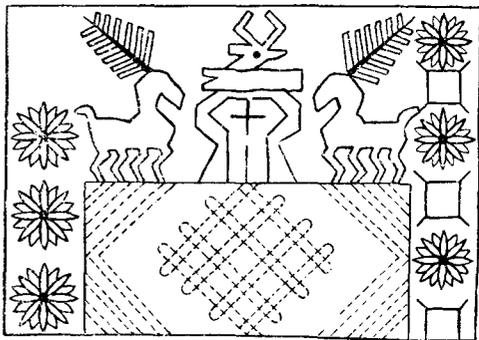


Рис. 28. Севернорусская вышивка. Деталь (по Городцову). Гос. Истор. музей

⁸⁰ С. К. Маковекский, Народное искусство Подкарпатской Руси, Прага, 1925, стр. 22; Florian Zapletal, Derevyany chramy podkarpatskich rusinov, сб. Podkarpatska Rus, New York, 1924, стр. 126—130.

рощу древнейших деревьев и среди них священные дубы, посвященные богу той земли Прове. Они окружены были двором и деревянной тщательно отделанной оградой с двумя воротами... Это место было святилищем для всего края, имело своего жреца, свои праздники и разные обряды при жертвоприношениях»⁸¹.

В собрании Гос. Русского музея имеется любопытный образец народного шитья, на котором представлено позднейшее видоизменение этого древнего мотива жертвенника (рис. 29). Это строченый архангельский подзор, в котором отдельные фигуры, расположенные в ряд, оплетены криволинейными растительными мотивами, стилистически далеко ушедшими от первичных геометрических форм вышивки. На этом подзоре, вышивка которого типологически (по времени сложения, но не по времени ее фактического выполнения) определяется наличием фигуры двуглавого орла допетровского типа, мы находим знакомый нам мотив коня, стоящего перед жертвенником. Но конь здесь обращен в единого рога — фигуру, взятую русским декоративным искусством XVII в. из английского герба, а жертвенник — в пьедестал к совершенно непонятному предмету, причем одна из ветвей, осеняющих жертвенник, в сохранившейся нижней части превратилась в рог геральдического зверя.

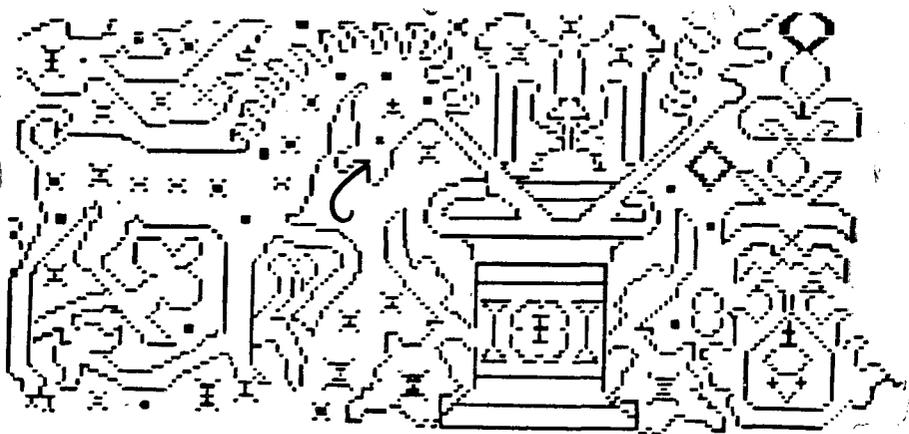


Рис. 29. Архангельская вышивка. Деталь. Гос. Русский музей

Так в позднюю пору семантически видоизменилось древнее культовое изображение, все же, в силу устойчивости древней формы, с трудом взламываемой новым содержанием, сохранившее некоторые его начальные, еще распознаваемые черты.

V

Западные хронографы упоминают об изображениях на стенах славянских храмов. Об украшении внешних и внутренних стен главной континь-храма в Щетине «выпуклыми, удивительно высеченными изображениями людей, птиц и зверей, так живо сделанными, что они дышали и жили, и окрашенными прочными красками», упоминается в Житиях Оттона Бамберского. Описывая деревянный храм в земле редарей (Редегосте), Дитмар также отмечает, что «стены его украшают снаружи, дабы смотрящим было видно различные изображения богов и богинь, удивительно сделанные». Наружные стены храма в Арконе, по словам Саксона Грамматика, также были кругом украшены изображениями (судя по тексту, живописными, а не вырезанными).

Были ли подобные украшения стен свойственны восточно-славянским храмам? Прямых свидетельств и археологических подтверждений мы не имеем, если не считать резаных в камне плоских, в манере резьбы по

⁸¹ А. Фаминцын, Указ. соч., стр. 22.

дереву, рельефов на четырехликом Збручском идоле. Они изображают женские, в одном случае с младенцем, фигуры, коня с несколько смущающей исследователей кривой саблей над ним и особенно неожиданных атлантов в весьма сложных ракурсах⁸². Сомнение в принадлежности к славянским вызывают открытые В. Антоновичем на Подолии, близ Буши, наскальные рельефы с приемлемыми для историка изображениями птицы на дереве и оленя, но явно подозрительные по католически коленопреклоненной фигуре молящегося и прямоугольному картушу⁸³.

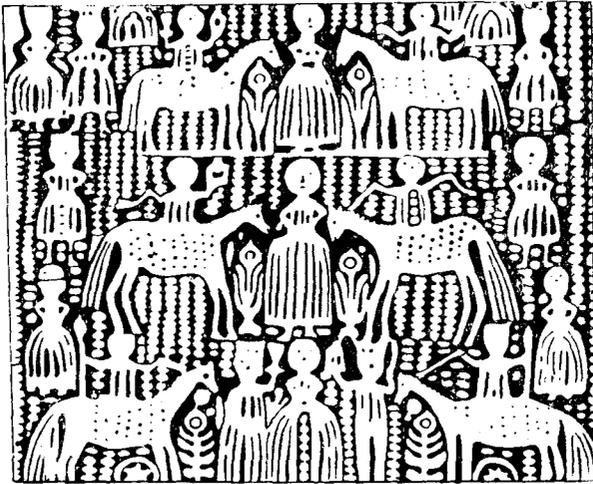


Рис. 3). Севернорусская набоечная доска (по Воронову).
Гос. Истор. музей

С большой убедительностью о применении в нашей дохристианской архитектуре скульптурных украшений говорят пережиточные народные формы вроде парных головок коней и цельных фигурок коней и птиц на крестьянских постройках⁸⁴, подобных резаным на ковшах, черпалках, прялках, рубелях и т. п. Из этой категории особо выразительна опубликованная В. Вороновым севернорусская набоечная деревянная доска плоского рельефа, изображающая, по мнению исследователя, культовые мотивы (рис. 30). Подобные доски либо оттиски их дошли до нас в небольшом числе. В. А. Городцов считал, что в них представлены сцены почитания великой богини. «В верхнем ярусе,— писал он относительно приводимой доски,— изображена великая богиня; справа и слева около нее представлено в удвоенном виде древо жизни; далее с обеих сторон сидят на конях два всадника, из которых правый имеет в руках, поднятых адоративно кверху, сосуд, очевидно, с причастием великой богине и, может быть, меч, как знак силы и власти; левый всадник поднял одну руку с раскрытой ладонью в знак адорации, а другую, также приподнятую, повидимому, держит повод коня», и т. д.

Правда, наряду с подобным толкованием изображенного на доске, может быть выдвинуто менее сложное, если считать ее с возможностью последующего жанрового переосмысления и особенно чисто орнаментального по характеру повторения культовой сцены и отдельных фигур, давно уже утеравших свое начальное содержание. Но независимо от

⁸² И. И. Срезневский, Збручский иступан, Записки Археологич. об-ва, т. V. СПб., 1853; А. А. Захаров, The statue of Sbrucz, ESA, IX, p. 336 ss.

⁸³ В. Антонович, О скальных пещерах на берегу Днестра, Подольской губ. Труды VI Археологич. съезда, т. I, Одесса, 1886, стр. 99—100, табл. XII; М. Макаренко, Скульптура и різьбарство, ст. 95.

⁸⁴ В. Стасов, Коньки на крестьянских крышах, Собр. соч., т. II, разд. I, СПб., стр. 105—114.

этого, нельзя не признать, что в нашем деревянном рельефе, при его малых размерах отличающемся монументальностью многоярусного построения и отдельных фигур, в какой-то степени отразились большие настенные рельефы, которые по своему содержанию напоминают описанные западными хронографами.

Воздействие таких, несомненно, существовавших у восточных славян, рельефов, украшавших стены дохристианских храмов, сказывается в «прилепах» Дмитриевского собора во Владимире. На своеобразие исполнения последних и их неканоничность исследователи давно уже обратили внимание. «Дмитриевский собор,— верно заметил Н. Воронин,— единственный памятник, постройку которого епископский летописец обошел полным молчанием... Церковь относилась к скульптуре явно отрицательно. Тем большее осуждение должен был вызвать полуязыческий, полусказочный резной убор Дмитриевского собора»⁸⁵.

Таковыми в свете древних письменных источников археологии и пережиточных форм народной архитектуры и изобразительного искусства представляются нам древнейшие культовые сооружения восточных славян.

Можно полагать, что древнерусские требища со священными деревьями и столбами, капищами, жертвенниками, а в некоторых случаях с базиликоподобными и башенными храмами не уступали западославянским языческим святыням. Древняя Русь ко времени христианизации несомненно обладала своими, сложившимися на почве языческого культового строительства архитектурными формами, которые не только устояли под напором пришлых церковных, но в свою очередь воздействовали на них, направляли их по стезе специфически русского развития, сказавшегося весьма рано.

«Ни в Византии, ни на Западе,— пишет Б. Д. Греков,— нельзя было встретить храма с 13 куполах. Это чисто русское явление, наследие деревянного зодчества, перенесенное на каменную постройку. Первая София в Новгороде была дубовая с тринадцатью верхах. Киевская София, уже каменная, имела те же 13 куполов... Эта старая традиция жила в деревянном зодчестве очень долго и, между прочим, дошла до нас в деревянной 23-главой церкви Кижского погоста»⁸⁶.

Воздействие древних исконно русских форм достигло апогея в шатровом строительстве XV—XVII вв., которое целиком подчинило камень идущей из глубин веков традиции деревянного зодчества. Так завершилась в древней Руси борьба двух начал, которую еще И. Е. Забелин, рассказывая о возобновлении в 1490 г., по настойчивым просьбам горожан, соборной великоустюжской церкви «по старине», понимал это как «борьбу между народной формой храма и его церковною формой»⁸⁷.

⁸⁵ Н. Воронин, Памятники Владимиро-Суздальского зодчества, стр. 63.

⁸⁶ Б. Д. Греков, Культура Киевской Руси, М.—Л., 1944, стр. 39—40.

⁸⁷ И. Е. Забелин, Русское искусство, Черты самобытности в древнерусском зодчестве, М., 1900, стр. 101—103.